

стический лейтмотив прозы В. Основной пласт почвы все еще держится. Поэтому сюжетным разрешением, катарсисом в самых сатирических поздних вещах В.— повестях «Дубленка» (1978) и «Надежда Платонова Горюнова» (1980) — является опрощение героев, трактуемое автором как «отпущение грехов». Например, в «Дубленке» совр. Акакий Акакиевич, дослужившийся до известного чина «инструктора сектора культуры», посрамленный современного мафиозного типа Хлестаковым, превращается в симпатичного существователя, счастливого посетителя чужих спектаклей: «Он сидит теперь в задних рядах <...>, он смеется, плачет, переживает, шепчет реплики, подсказывая их актерам, хлопает изо всех сил, однако как проникает в театр, как исчезает незаметно после спектакля, никто никогда не видел, что и не удивительно, потому что кому он нужен?»

«Дубленка», отданная автором в альм. «Метрополь» (1979), изданный в США, положения В. в советской лит-ре, конечно, не упрочила. Трудно сказать точно, что в произведениях В. раздражало официальное мнение больше: сатирическое изображение советской номенклатуры или прикровенный христианско-гуманистический нерв вахтинской прозы, авторское суперкультурное «почвенничество». Выступая против конфессионального и сектантского изуверства (прежде всего в таких публицистических исследованиях, как «Это мултанское дело», 1966, и «Гибель Джонстауна», 1979), В. оставляет своим героям в трудных обстоятельствах только религиозное откровение: в критическую минуту каждый из них непроизвольно, но крестится. А раз так, то наша будничная беспамятность простится. «Все изменяется не изменяясь», — любит повторять автор вместе со своими персонажами.

Проза В. напечатана теперь на родине, но сыграла большую роль как раз тогда, когда к печати ей доступ был практически закрыт и она «издавалась не издаваясь».

Соч.: Юэфу. Из древних китайских песен. М.; Л., 1959; Юэфу. Из средневековой китайской лирики. М., 1969; Две повести: Дубленка. Одна абсолютно счастливая деревня. App Arbog, 1982; Гибель Джонстауна. Л., 1986; Человеческое вещество? // Эхо. Париж. 1986. № 14; Шесть писем: роман // Сумерки. Л. 1989. № 6; Так сложилась жизнь моя. Л., 1990; Два рассказа // Сумерки. Л., 1990. № 9; Дневник без имен и чисел. Алхимия // Сумерки. Л. 1991. № 11; Этот спорный русский опыт // Звезда. 1998. № 8; Из китайского дневника // Звезда. 2000. № 8.

Лит.: Панова В. О моей жизни, книгах и читателях. Л., 1975; Виньковецкий Я. Быть живым (Памяти Бориса Вахтина) // Континент. 1983. № 35; Помпеев Ю. Подчинение правде // Вахтин Б. Гибель Джонстауна. Л., 1986; Борисова М. Послесл. // Вахтин Б. Так сложилась жизнь моя. Л., 1990.

А. Ю. Арьев

ВВЕДЕНСКИЙ Александр Иванович [23.11 (6.12).1904, Петербург — 20.12.1941] — поэт.

Отец, служивший экономистом в Земельном банке, нарек сына в честь великого князя Александра Невского. Мать (дворянка, урожденная Поволоцкая) была известным врачом-гинекологом. В. окончил в 1921 10-ю трудовую школу, одну из лучших тогда в Петрограде (до революции — частная гимназия Л. Д. Лентовской). Причем экзамен по русской лит-ре не сдал. Поступил в ун-т на юридический ф-т, перешел на китайское отделение. Вскоре обучение оставил и работал письмоводителем, затем на электростанции «Красный Октябрь» (1921–22). В анкете при вступлении в Союз поэтов (1924) на вопрос: «На какие средства живете?» — ответил: «На средства родителей» (РО ИРЛИ).

Известно, что в 1917 В. уже писал стихи. В янв. 1921 он вместе с лит. опытами товари-

А. И. Введенский

щей по школе (В. Алексеев, Л. Липавский) послал их А. Блоку. Тот пометил на их письме: «Ничто не нравится. Интереснее Алексеев» (Цит. по: Полное собр. произведений. Т. 2. С. 227). Первое упоминание имени В. в печати — в ж. «Жизнь искусства» (1923. № 27. С. 15) в статье Г. Крыжицкого «Футуризм». В ней алогичные изречения В. (типа «без отношения в каменном мире, полет без смысла, и это хорошо» или «слушая гортанный шепот собак, учишь слушать потолок, лампочка») демонстрировались как пример нового этапа футуризма и подлинного «революционного пафоса» в искусстве. В сравнении с будущими соратниками по ОБЭРИУ В. раньше других взял за основной творческий принцип открытую борьбу со здравым смыслом, считая, что именно формальная логика отделяет человека от познания реальной сущности мироздания и жизни. Даже В. Хлебников в силу системности его натурфилософских исканий, отраженной в поэтико-лингвистических опытах, его не удовлетворял: «Хлебников мне чужд, уж скорее мне ближе Крученых».

Начальная пора лит. деятельности В. проходит в теснейшем союзе с Д. Хармсом. Это совместное вступление в «Орден заумников DSO» А. Туфанова (1925), выход из туфановского сообщества и организация «Чинарей» (1926; В. тогда подписывал свои произведения «чинарь — авторитет бессмыслицы»). Это и сотрудничество с ГИНХУКом (возглавлялся К. Малевичем) и возникшим в контакте с ним театром «Радикс», где ставилась пьеса «Моя мама вся в часах», смонтированная из произведений Д. Хармса и В. Это мимолетная «Академия левых классиков» и создание шумного с претензией на солидность ОБЭРИУ. Считается, что созидательной силой в этом дуэте был Д. Хармс, а разрушительной — В., который принципиально не мог подчиниться любому определенному направлению (отсюда — скорый разрыв с А. Туфановым, а затем с Н. Заболоцким). Д. Хармс отзывался о В. как о человеке «демоническом», а др. современники отмечали необузданность его натуры. «В жизни это был человек неистового азарта, — подмечает один из них, — игрок, способный, стоя в очереди за гонораром, проиграть его начисто...»; «Введенский был по-гусарски азартен. Действительно, было что-то гусарское в его цыганских глазах, да и в пристрастии к рискованным спорам на пари...». Первые (и единственные при жизни) опубликованные стихи В. демонстрировали его полное неприятие сложившегося миропорядка. В «Начале поэмы» (Собр. стихотворений. Л., 1926), как и во

фрагменте из драматической поэмы «Минин и Пожарский» («Но вопли трудных англичан...» // Костер. Л., 1927), начисто нарушена привычная логика и во временном, и в пространственном, и в причинно-следственном планах (финал первой публикации: «На гусях смерть играет в рысе / она пропахшему подружка / чу сухопарые костры / свинья тихая Колхида, / горели мясом. Рысь женилась»). «Сомнительность, неукладываемость в наши логические рамки есть в самой жизни, — скажет потом В. — И мне непонятно, как могли возникнуть фантастические, имеющие точные законы миры, совсем не похожие на настоящую жизнь. Например, заседание» (Липавский Л. Из разговоров «Чинарей» // Аврора. 1989. № 6. С. 130).

К концу 1920-х такая манера письма, отражавшая ощущение непрочности, даже эсхатологичности совр. устоев жизни, не могла быть публично представляемой. В 1928 на помощь В. пришли С. Маршак и Н. Олейников и вовлекли его в область детской лит-ры, где раскрылись затаенные способности поэта. «И вот такая противоречивость между тем Введенским, каким он был на людях: заядлым горожанином, обитателем прокуренных редакций, завсегдаем шумных сборищ и... трогательным лирическим поэтом, богато наделенным чувством природы...» (Семенов Б. — С. 283). «Широкий и разнообразный диапазон его творчества в детской литературе. Здесь и баллада, и лирические стихи, и вольное повествование, и шутка, и революционные лозунги, и припевки, написанные с силой не меньшей, чем та, которой обладал создатель „Окон РОСТА“» (Рахтанов И. — С. 179). И до сих пор читают дети сказки братьев Grimm в переложении В.

Однако, плодотворно работая в сфере детской лит-ры, В. ощущал основу своего творчества трагической. Он утверждал, что основными темами для него являются Бог, время, смерть. Считал, что не только разум человеческий, претендующий на постижение и устройство мира, но и само время — величьи мнимые, фикция. В «Серой тетради» он записал: «Наша человеческая логика и наш язык не соответствуют времени ни в каком, ни в элементарном, ни в сложном, его понимании... Тем не менее <...> можно попробовать и написать если и не о времени, то хотя бы попробовать установить те некоторые положения нашего поверхностного ощущения времени, и на основании их нам может стать ясным путь в смерть и в широкое непонимание... Горе нам, задумавшимся о времени» (Полное собр. произведений. Т. 2. С. 79).

В стихах эту мысль В. выразил так: «Горит бессмыслица звезда, / она одна без дна» (**«Кругом, возможно, Бог»**, 1931).

Эсхатологические настроения усилились у В. после его ссылки в Курск в связи со сфабрикованным ОГПУ делом, в частности о «вредительстве в области детской лит-ры» посредством использования «заумных стихов» (см: Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела // Октябрь. 1992. № 11. С. 167–191). После освобождения и возвращения в Ленинград у В. начинается творческий подъем, и трагический пафос его стихов крепнет. Еще в декларации ОБЭРИУ творческий метод В. обрисовывался следующим образом: «А. Введенский (крайняя левая нашего объединения) разбрасывает предмет на части, но от этого предмет не теряет своей конкретности. Введенский разбрасывает действие на куски, но действие не теряет своей творческой закономерности. Если расширять до конца, то получается в результате — видимость бессмыслицы. Почему видимость? Потому что очевидной бессмыслицей будет заумное слово, а его в творчестве Введенского нет» (Афиши Дома печати. 1928. № 2. С. 12). В 1930-е произошло обратное: «бессмыслица» стала у В. содержанием произведений, адекватным совр. жизни, а словесное «разбрасывание на куски» сменилось стройной формой медитативного монолога или диалогического интеллектуального действия при сохранении принципа алогизма. Таковы лучшие из сохранившихся произведений В. (их — ничтожная часть от созданного: будучи человеком бездомным, поэт свои создания не хранил). Это — **«Приглашение меня подумать»** (1931–34?), **«Мне жалко, что я не зверь»** (1934), где звучит тоска по невозможности бытия индивидуума во всем многообразии мира. Это **«Потец»** — жуткая драма о всемогуществе смерти и упорстве человеческого сознания (1936 или 1937). Это драма для чтения **«Елка у Ивановых»** (1938), где полностью торжествует абсурд при разумности всех реплик персонажей. Наконец, это **«Элегия»** (1940), которую восторженно читала А. Ахматова накануне войны, — величественное примирение со смертью («На смерть, на смерть держи равненье, / певец и всадник бедный»). И вслед за ней — **«Где. Когда»** (1941) — окончательное прощание с миром во всей его метафизической необъятности.

В. осознавал свою несовместимость с установившимся политическим режимом. В 1936 он переезжает в Харьков, но это его не спасет. 27 сент. 1941 он был подвергнут

превентивному аресту (принудительная эвакуация прежде репрессированных) и, по противоречивым свидетельствам попутчиков, погиб в ходе следования на Казань.

Реабилитации В. помог Сергей Михалков, который познакомился с ним в 1930-е и чей знаменитый «Дядя Степа» возник не без влияния стихов В.

В целом творческую позицию В. характеризует изречение: «Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома (из стиха 35 главы 13-й Евангелия от Марка), — то есть живите всегда сейчас, так как прошлого уже нет, а будущего еще нет, поэтому думайте о настоящем — о сейчас, за которое вы отвечаете, несете ответственность за то, что сейчас совершите...» (Друскин Я. — С. 111). Творческое наследие В. еще ждет тщательного изучения. «В поэзии я, как Иоанн Креститель, только предтеча» — так характеризовал он себя (Друскин Я. — С. 109). М. Кузмин называл В. поэтом эпохальным, Д. Хармс причислял его к великим писателям, которые «имели свою идею и считали ее выше своих художественных произведений». И называл имена других — Блейк, Гоголь, Толстой, Хлебников (Поэты группы ОБЭРИУ. С. 18).

Соч.: ПСС. Анн Арбор: Ардис, 1980. Т. 1; 1984. Т. 2; Полное собр. произведений: в 2 т. М., 1993; Избранное. München, 1974; Ванна Архимеда. Л., 1991; Поэты группы ОБЭРИУ. СПб., 1994.

Лит.: Александров А., Мейлах М. Творчество А. Введенского // Тартуский гос. ун-т. Материалы XXII науч. студенческой конференции: Поэтика. История лит-ры. Лингвистика. Тарту, 1967. С. 105–115; Рахтанов И. «Еж» и «Чиж» // Рахтанов И. Рассказы по памяти. М., 1969. С. 143–190; Семенов Б. Поэт Александр Введенский // Семенов Б. Время моих друзей. Л., 1982. С. 278–289; Радов Е., Никитаев А. Поэзия и судьба: Творческий путь Александра Введенского // В мире книг. 1987. № 6. С. 65–67; Александров А. Ученик Мельхиседека: О жизни и творчестве Александра Введенского // Звезда. 1989. № 10. С. 177–180; Друскин Я. Чинари // Аврора. 1989. № 6. С. 103–115; Елизавета Сергеевна Коваленкова вспоминает. Сергей Владимирович Михалков вспоминает. Анна Семеновна Ивантор вспоминает // Театр. 1991. № 11. С. 96–99, 101, 116–119; Валлева Ю. М. Поэтический язык А. Введенского: Поэтическая картина мира. СПб., 1998; Кобринский А. «ОБЭРИУ» в контексте русского лит. авангарда. М., 1999.

Г. В. Филиппов

ВДОВИНА Раиса Дмитриевна [22.6.1933, Ленинград] — поэт.

Ее мать работала швеей на фабрике им. Володарского, отец был мастером на за-